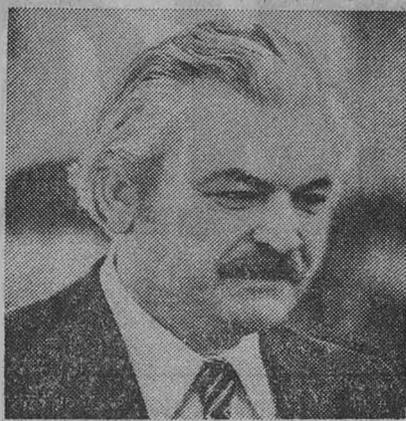

Наш собеседник — народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета РСФСР С. Ф. БОНДАРЧУК

П Е С Н Ь Ч Е Л О В Е К У

КАКИМ надо быть мастером, выдающимся художником, чтобы твои произведения не только не потонули бы в мировом «киноцунами», но и стали бы откровением для миллионов и миллионов людей на разных континентах, а имя твое обрело бы блеск и притягательную силу, такой авторитет, который равен гарантии постоянного успеха...

Его часто осаждают звонками — предложения сыплются, как из рога изобилия. Звонят друзья-кинематографисты из братских социалистических стран, коллеги из капиталистических стран... Предложили, например, поставить оперу Джакомо Пуччини «Принцесса Турандот», и не где-нибудь, а в прославленной Шекспиром Вероне под открытым небом, в театре ежегодных музыкальных фестивалей.

— Понимаете, как меня увлекла эта идея! — говорит Сергей Федорович Бондарчук. — Поставить оперу!..

Музыка — одна из его любимых стихий. Нередко даже во время разговора в его кабинете звучит то Моцарт, то Гайдн, то Бах, то Бетховен, то Чайковский... И разговор — вольно или невольно — строится вдруг в соответствии с этой музыкой. Вообще, Сергея Федоровича всегда надо «разговорить» — его «неречистость» иной раз принимают даже за нежелание говорить.

Так вот, когда появилось это предложение поставить оперу, Сергей Федорович загорелся. Несмотря на свою загрузку разнообразной работой, на стол его легли книги по режиссуре в музыкальном театре, он изучал отечественный опыт К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, Б. Покровского, постановки и размышления о музыкальном театре Вальтера Фельзенштейна, говорил со многими ведущими актерами — певцами Большого театра. И разработал уже всю режиссерскую партитуру оперы «Принцесса Турандот», даже было найдено живописное, световое, пластическое решение спектакля с итальянским художником. И вдруг... Он был в Италии. И ему представил маэстро, который будет дирижировать оркестром. Увы! Им оказался... один из тех, кто не так давно покинул Советский Союз.

Бондарчук отказался от постановки.

— Как случилось, что всплыло это имя, — не знаю. Быть может, и провокация. Или недомыслие организаторов? Не знаю. Все искренне сожалели. Я — тоже. Ведь что значит — еще одна моя меч-

та так и останется неосуществленной. Только вот в этих рисунках, записках, набросках да в воображении. Но поступаться принципами, идти на компромисс я не желаю ни как гражданин своей Родины, ни как человек, которому свойственно презирать предателей.

На XI Московском кинофестивале Бондарчук в первые дни не было — участники и гости буквально замучили вопросами. Особо итальянец Анджело Танини. «Мне очень нужно видеть его, — горячо говорил он. — Мы хотим ему предложить интересный сценарий. Или — пусть ставит, что захочет. После «Судьбы человека», «Войны и мира», «Ватерлоо» — он, может, вообще самый крупный кинорежиссер в мире...»

И Фрэнсис Форд Coppola приехал в Москву в те дни, чтобы тоже увидится с Бондарчуком и показать в СССР свою картину «Апокалипсис», которую Сергей Федорович видел в Америке, когда гостил у Coppola. И вот — встреча на «Мосфильме». Американский режиссер не рассчитал время, опоздал и очень расстроился, обнимая Бондарчука, пожимая руки Г. Чухраю, В. Ежову, Г. Данилину, Н. Сизову: «Простите меня великодушно, я не думал, что меня здесь ждет такое созвездие!» И потом, глядя на смеющегося Бондарчука, сказал, что готов ему заплатить миллионы долларов, если он согласится снимать какую-либо картину у него на студии...

Какую-либо?.. Это разговор не для Бондарчука.

Рождение того или иного фильма — для него всегда и радостный, и вдохновенный, и мучительный труд. Именно — труд. Горы книг, прочитанных, проштудированных, горы записей, набросков, эскизы, рисунки (Бондарчук — прекрасный рисовальщик, и недаром он однажды признался, что если бы не кино, то стал бы художником). Иной ученый-историк не знает, пожалуй, того, что знал Бондарчук, приступая к экранизации «Войны и мира». Эту прекрасную работу признал весь мир. О ней написано так много, что можно было бы составить не один том рецензий.

Вот что, например, говорил Митчел Уилсон, американский писатель: «Главное, что удалось добиться С. Бондарчуку, это передать на экране самый дух Толстого, проникнуть в суть мысли великого писателя. Фильм-размышление, фильм эпический и одновременно романтический — это выдающееся событие в искусстве кинематографа. Мне хо-

телось бы отметить историческую достоверность всех деталей — и в интимных сценах, и в грандиозных батальных. Этой достоверности очень не хватало американскому киноварианту «Войны и мира», сделанному Кингом Видором. Впрочем, любые сравнения будут в пользу картины С. Бондарчука».

А как отнесся Кинг Видор к вашей экранизации «Войны и мира»?

— Как и полагается истинному художнику — без предубежденности. В Москве я показывал ему отснятый материал, и его искреннее одобрение даже в чем-то помогало мне. А потом, когда фильм вышел в американский прокат, он стал его самым активным пропагандистом. Сожалел, что многое в своей киноверсии романа так и не сумел сделать. У него было немало трудностей. Фильм его интересен, требует уважения к себе, снят на высоком техническом уровне, с интересным подбором актеров. Но Кинг Видор, например, вынужден был опустить в фильме главное — национальный дух романа, его философские обобщения, считая это некинематографичным. Нет многих важных для романа сцен, а эпизод бала Наташи дописан... совсем не в духе Толстого. Но ведь не буди их картины, может быть, долго не было бы и нашей.

Не думайте, что я согласился так просто на эту экранизацию. Зрителя, быть может, не знают, что было письмо, подписанное нашими крупнейшими деятелями культуры и науки просто с требованием — создать свою экранизацию «Войны и мира». Причем в том письме, после удачной экранизации шолоховского рассказа «Судьба человека», персонально было названо мое имя... К счастью, я всю свою жизнь дышу творениями Льва Толстого, не расстаюсь с его книгами, дневниками, письмами. И предложение это упало уже в общем-то на благодатную почву!..

Часто приходится слышать, что вот Сергей Бондарчук, ученик Сергея Аполлиновича Герасимова, чье творчество всегда связано с темой современности, почему-то в своих фильмах тяготеет к прошлому. Мол, «Судьба человека» и недавно снятая киноэпопея «Они сражались за Родину» — это Великая Отечественная война; экранизация романа Толстого и ваш фильм, снятый с итальянцами, «Ватерлоо» — это вообще прошлый век. Экранизация чеховской «Степи» — начало нашего века. А вот сейчас фильм о Джоне Рида — киноэпопея

«Красные колокола». И опять это — революция в Мексике, наш Октябрь, те десять дней, что потрясли весь мир.

— А Суриков, а Репин? Разве они были не архисовременными художниками, хотя сюжеты их картин — исторические? А Моцарт? Вы вдумайтесь в то, почему один из образованнейших наших дипломатов сказал однажды, что ему кажется, будто он нашел формулу, всеобъемлющую его жизни: «У меня была революция и Моцарт». Почему? Да потому что Чичерин, которого Ленин очень ценил и называл умным, талантливым человеком, быть может, ранее многих музыковедов уловил революционное звучие музыки Моцарта.

И Лев Толстой всегда современен. Даже в своих заблуждениях. Они тоже весьма поучительны. Когда-нибудь я хотел бы снять фильм о его последних днях — «Яснополянская трагедия». Этот фильм вижу — весь, чуть ли не по надрам, в своем воображении. Или можно было бы снять грандиозную эпопею по Данте — «Божественная комедия», и она прозвучала бы, как и Моцартова музыка, чрезвычайно современно. НЕ ОСОВРЕМЕНЕННО, а именно СОВРЕМЕННО! И «Тараса Бульбу» Гоголя, и «Бориса Годунова» Пуччиниа... Не знаю, но я постоянно работаю над фильмами, которые, быть может, никогда и не успею даже поставить...

Сергей Федорович достает альбомы — режиссерские раскраски, включает магнитофон. Слушаем его голос, подобранную музыку, и словно на внутреннем экране твоего воображения как будто оживают кадры фильма «Тарас Бульба»...

И разве «Степь» Чехова, ожившая на экране, обращающаяся к душе человеческой, не современна в самом высоком смысле этого слова?

Так неужели же современность определяется только годом, когда происходит действие фильма, костюмами да языком героев? Глубокая человечность, народность, антивоенная направленность «Войны и мира», например, близки сегодня людям всей земли. Нам близки мысли писателя о месте человека на земле, о жизни и смерти, любви и долге, искренности и лжи, правде и красоте, о счастье, о мире стройном, перепутанном, сложном... Мы, люди XX века, нуждаемся в запасе нравственного здоровья, веры в жизнь и добро, которые составляют достоинство и пафос гениального романа Толстого...

И вновь наш разговор переносится на то, над чем работает сегодня Сергей Федорович. «Ну как обойтись без Льва Толстого!»

И я понимаю, почему, зачем, во имя чего он вторгается в область религиозно-философских воззрений Льва Толстого, почему вдруг на столе его рабочем — старый фолиант — «Жизнь Савонаролы». Так было, когда он снимался в роли отца Сергия в фильме И. Таланкина. И теперь он только что завершил работу над образом кардинала Монтанелли в телеэкранизации романа Э. Войнич «Овод»...

Можно бесконечно удивляться его уменью трудиться, многообразию его способностей и талантов. Вот не устроил его сценарий фильма о Джоне Рида, о мексиканской революции. Сколько книг исторических, биографических, социально-политических прочитано, сколько интересного познано! А сценарий оказался легковесным, чуть ли не вестерн. И тогда Бондарчук берет сам за перо — и работает так, что в пять дней и ночей переделывает сценарий до неузнаваемости.

А через несколько дней с воодушевлением рассказывает о приезде Джона Рида в революционную Россию. Но главное — Октябрь, Ленин. И нет усталости в голосе. И рассказывает о совершенно фантастическом начале, взгляда в наш век из будущего. Познание истины века, быть может, вечности...

Сергею Федоровичу Бондарчуку исполняется 60 лет... Он мастер удивительной художественной зоркости, и его искусство — это целая школа. Каковы же главные ее уроки?

— Искусство, — говорит Бондарчук, — это песнь беззаветной любви к людям, к Человеку. И не важно — в камне ли она, песнь эта, как у Родена, или в божественной и загадочной живописи, как у Леонардо или Рембрандта, или в фильмах, как у Александра Довженко. Может быть, главный, самый главный урок Довженко и заключался в этом — в любви к людям, ради которых мы живем, мучаемся творческими муками и создаем фильмы!

Любые пути творчества должны заканчиваться художественным постижением явной человеческой жизни, постижением, которое продолжается в сердце и разуме зрителя, читателя, слушателя. Если это достигнуто, значит, создано произведение, которое по праву может считаться современным. И не важно, к какой эпохе принадлежит герой, какие костюмы они носят. Отец Сергей ли это или наш великий ученый Курчатов, сельский учитель педагог Сухомлинский, или кардинал Монтанелли. Перед искусством все равны в этом главном, вдушем качестве своем — в современности звучания. Нет этого, будь ты трижды похож на человека из соседнего двора, современником тебя не назовут. В естественной, в текущей нашей жизни это можно заработать трудом, авторитетом. А в искусстве, чтобы образ прозвучал с экрана современно, требуется твоя активная партийная позиция, богатство твоих социальных чувств, чтобы раскрыть в нем глубину народного характера. Красоту его. «Скрытый патриотизм» его, как любил говорить Лев Толстой... Вот ради этого и стоит жить!..

Беседу вел Л. ВИНЧИ.